
КРИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии на книги, поступившие для отзыва.

„Соборный благовест“ Ф. Сологуба.

Революция в поэзии Феодора Сологуба.

I.

Выполняя унизительную, но исторически неизбежную роль лакея на запятках барской кареты, российский интеллигент любит похвастаться тем, что он „категория надклассовая“. Он способен иногда взбунтоваться, помахать кулаками с «революцией в лице», изобразить из себя свирепую «морскую тигру», сражающуюся за «дело народа», а иногда даже к своему собственному удивлению совершить действительно отважный поступок, но потом снова и снова, послушный «зову предков», будучи крепко связан весьма видимыми и осязаемыми нитями с судьбами капиталистического мира, возвращается в объятия махровых Кит Китычей.

Последнее происходит, либо когда побеждает реакция, действующая подобно холодному ушату воды на заячью интеллигентскую душу, либо когда пролетариат начинает делать свое, настоящее дело, не считаясь с мелкобуржуазными бреднями о классовом мире и бескровной революции. А интеллигент свиреп и ужасно кровожаден, «Чекисит» только на бумаге, что впрочем, нужно признаться, ничуть не мешает ему при случае принять участие в новом «Версале» и устроить ха-а-рошее кровопусканье рабочему классу, оправдать его, конечно, различными высшими моральными соображениями от Канта, а то чего доброго и от Маркса—кислые эклектические щи, как известно, любимое меню всякого интеллигента.

Таков порочный круг русской интеллигенции (да и не только русской), по крайней мере той ее группы, которая принадлежит к классу мелкой и отчасти средней буржуазии. *) Их из этого порочного круга выбираются немногие. В своем же большинстве «надклассовая категория» на поверку оказывается сластолюбивым Альфонсом отечественных Морганов, и вчерашняя «морская тигра» сегодня снова чистит свой лакейский фрак, предавая проклятию «Бесов-

*) Его не знают лишь интеллигенты аля Милюков—идеологи промышленно-финансового капитализма, которые с классическим спокойствием без колебаний и сомнений „дарданеллят“ до конца, да те, кто по своему положению принадлежат к низшим прослойкам мелкой буржуазии, почти сливающимся с пролетариатом.

ское навождение». Этот жалкий и нелепый фарс («трагедия» — на языке любителей российской словесности) нашел себе любопытное отражение в недавно вышедшей книжечке Федора Сологуба — «Соборный благовест».

«Соборный благовест» не характерен для творчества Ф. Сологуба — автора «Качелей» и «Мелкого беса». Но он характерен для Сологуба, как представителя определенной интеллигентной группы, неизбежно отразившего отдельные этапы ее политических метаний.

Ф. Сологуб, как писатель, немалая величина. Он мастер стиха классически чеканного, и у него есть необыкновенные строки.

Вот почему «Соборный благовест» — эта тоненькая книжка, в которую автор собрал почти все свои стихи на гражданские темы, начиная с 1889 г., приобретает особый смысл, особое значение. Не случайность, что в книжке всего 40 страниц, и что Сологуб из всего написанного им сумел выбрать лишь около трех десятков стихотворений.

Поэт — категория, так сказать, вдвойне надклассовая. Политикой ему заниматься даже просто неприлично. Это — дурной тон, который не будет прощен в буржуазных салонах.

Он выше «самолюбивой и тупой» толпы, что, впрочем отнюдь не мешает ему сливаться с другой толпой — толпой «пакостных франтов» и «бесстыдных продажных дам».

Однако, бывают такие моменты, когда, что называется, «стены кричат»; иногда даже поэт не может пройти кладно-кровно мимо «илотов», «движимых плетью».

Таких моментов немного было в творчестве Сологуба, и именно поэтому его маленькая книжечка особенно ярко и четко рисует образ бледного рыцаря — русского интеллигента во всей его двусмысленной красе.

II.

Революция 5 го года была первой и последней настоящей любовью мелкобуржуазной интеллигенции. Она захватила и закрутила ее в вихре восстаний, забастовок и буржуазной борьбы и вместе с тем раскрыла ту пропасть, которая лежит между пролетарской революцией и интеллигентскими бреднями о «согласном вечном строе великого безвластия».

Об нее же российский интеллигент впервые по настоящему расквасил свой нос и притом настолько крепко, чтобы раз навсегда отказаться от репетиции «всамделишной» революции.

И Федор Сологуб в своих стихах этого периода ярко демонстрирует крайнюю левизну озлившейся мелкой буржуазии, зашедшей много дальше, чем бы она этого хотела.

Еще в 1889 г. Сологуб чувствует и предсказывает приближение великой грозы, которая снесет «гордые башни» (Со-

борный благовест», стр. 6). Он знает причину людских бед и несчастий — это собственность. И он недоуменно вопрошает:

„Зачем, скажи,
В полях возделанных прилежно
Среди колосьев ржи
Везде встречаем неизбежно
Ревнивые межи?“

Ведь «суровую землю» греет одно и то же солнце и ее «широкие поля» лелеет один и тот же труд.

„Но влая зависть учредила
Во славу алчности и лжи
Неодолимые межи
Везде, где ты, земля, взростила
Хотя единый колос ржи“ („Соборн. благовест, стр. 7).

В сильной, глубоко захватывающей «простой песенке» (стр. 8), написанной в 1901 г., в образе «убитого светика», поникшего «под остриями вражеских пик», Сологуб плачет над народом, распинаемым самодержавием. Но жертвы не страшны. Уже слышится „благовест великий“, „соборный звон“. И

„Охвачен трепетным смятеньем,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу—товарищи, я—ваш! (стр. 9).

Он воспевает «солнце ясное» — свободу (стр. 12). Час настал и приближается великий праздник «радостного веча». «Черная толпа клеветников» не смущает его. Праздник свободы

... куплен кровью наших братьев,
Слезам матерей омыт.
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутят“ (стр. 11).

Пришел 5 й год. Давно ожидаемая гроза разразилась. Народ, скованный веками, восстал. И Сологубовская «швея» шепчет «слово гордое—восстань!»

„Белым шелком красный мечу,
И сама я в грозный бой
Знамя вывесу навстречу,
Рати вражеской и злой“ (стр. 15).

Сологуб спешит сказать земле свои желанья:

„Пожаром ярым уничтожь
Заклятья собственности жадной“,

И тогда

„... засияют светлой волей
Труда, и сил твои поля
Во всей безгранности разлолий
Твоих, моя земля!“ (стр. 16. „Земле“).

Ноябрь 1905 г. Народ разбит. Самодержавие победило. «Враг народа, враг жестокий снова в битве одолел». «День безумный, день кровавый не победой—только славой» увенчал героев.

Наступили кошмарные дни погромов, массовых убийств и насилий.

„Что любовью пламенело
Грубо смято темной силой.
Пронизали гвозди тело
Милой“... (стр. 22).

Сологуб ненавидит палачей и горит жаждой мести. Он вырвал из своего сердца «заплавившую жалость» и ничего не простит и не забудет.

„Нагаек свист и визг мучений,
Нагая дочь и злой палач—
Все помню! Жалость, в дни отпущений
У моего окна не плачь!“ (стр. 24 „Жалость“).

Пусть догорело восстание. Пусть девушку—революцию повлекли на «мучительный стыд» и издевается над беззащитным телом ее «кровожадный насильник и злой».

„Но безмерность мученья
И позора мучительный гнет
Неизбежности мщенья
Не уйдет и в крови не зальет.
Дни безумия злого
Сосчитал уж стремительный рок,
И восстания иного
Пламенеющий день недалек“.

(стр. 23. „Догорало восстание“).

Он провидит новый «торжествующий пожар» и славит «вольный пир» разрушения.

„В гневном пламени проклятья
Умирает старый мир.
Славьте, други, славьте, братья,
Разрушения вольный пир!“ (стр. 17).

Таков образ поэта 5-6 г. г., вырастающего почти до размеров народного трибуна.

Однако, и здесь необходимо отметить характерную черту в творчестве Сологуба-революционера, как представителя мелкой буржуазии. В его стихах, иногда действительно сильных, захватывающих, всегда больше революционной трескотни, импрессионизма, бунта мелкого буржуа, расщепившего до последней степени при виде насилий, чинимых царским правительством, нежели действительной революции.

В них совершенно не чувствуется гордой, непреклонной воли пролетариата, осознавшего свои силы и свое историческое значение. Правда, в них кипит чувство мести, но чувство мести абсолютно чуждо пролетарской психологии. Мелкий буржуа точно фейерверк—быстро и ярко с большим шумом вспыхивает, но так же скоро и потухает. И нет ничего удивительного в том, что когда пришли серые реакционные будни и количество казней и виселиц лишь немногим стало превышать обычную норму до-революционного времени, когда сгладились яркие впечатления революцион-

ных переживаний, раскаявшийся мелкий буржуа, вчерашний гордый рыцарь разрушенья, вновь превратился в лакея торжествующих палачей.

“ * *

Эпоха жестокой реакции. Пролетариат в застенке самодержавия и отрезвевшей буржуазии.

Русский интеллигент переживает период разочарования и горького похмелья. Его больше не проведешь и не надуешь на мякине глупых иллюзий о «согласном, вечном строе великого безвластья». Арцыбашев, Вербицкая, Ропшин (П. Савинков) и Нат-Пинкертон—это все знаменья времени. Порнография и садизм, едва прикрытые флером «теоритического» интереса к половым проблемам, мистицизм и богоискательство—вот то гнилое болото, в котором крепко засел «надклассовая категория».

Ф. Сологуба мы видим снова в этом лагере «праздноболтающих, умывающих руки в крови».

Вся мерзость и гнать послереволюционных метаний российской интеллигенции, отрясающей прах 5-го года и усердно заглаживающей грехи молодости (период «исканий»—на языке любителей русской словесности) нашли яркое отражение и в его прозе и в его поэзии.

Дрыгают побрякушки на дурацком колпаке жалкого скормороха, кривляющегося на подмостках под жирный хохот раз'евшихся господ. Крутит хвостом «серая недотыкомка», и сластолюбивый интеллигент в полосе собачьей старости, пускает слюни, расписывая прелести нагого женского тела...

В «Соборном благовесте» мы не находим ни одной строки, написанной за период 7—14 года.

III.

1914 год. Весна. В воздухе пахнет кровью. Атмосфера напряжена до последней крайности.

Пушки, того и гляди, начнут сами стрелять.

Капиталистический мир стоит перед бездной и в безумном весельи, в пьяных угарных ночах, в потоках разврата топит страх перед неизбежным будущим. Лихорадочно бьется жизнь, паразитизм, золото и роскошь бьют в глаза, но старый крот роет уверенно и хорошо.

Мелкая буржуазия немедленно левеет, (правда ненадолго) предчувствуя разорение, которое неизбежно принесет война. Жаль герани, кисейных занавесок, канареек, банковых сбережений—все то, что создает семейный уют мелкого буржуа и делает его «человеком».

Ф. Сологуб проживает эти дни в Париже—в этом центре мирового разврата, где проживает жизнь «сволочь пьяная всех наций» и «грабители всех стран» и где особенно ярко, неприкрыто выпирают наружу противоречия буржуазной культуры.

И у него, тонкого отразителя настроений своей классовой группировки, вырываются незабываемые, бячующие «Парижские песни»—лебединые песни Ф. Сологуба.

Они поражают своей силой и мы приводим их здесь почти целиком.

«Парижские песни».

1.

Раб французский иль германский
 Все несет такой же гнет,
 Как в былые дни спартанский,
 Плетью движимый илот
 И опять его подруга,
 Как раба иных времен
 Бьется в петлях сжатых туго,
 Для утех рантнерских жен.
 Чтоб в театр национальный
 Приезжали в Орега
 Воры бандою нахальной,
 Коротая вечера,—
 Чтоб огни иллюминаций
 Звали в каждый ресторан,
 Сволочь пьяную всех наций
 И грабителей всех стран,—
 Ты во дни святых восстаний
 Торжество победы знал
 И у стен надменных зданий,
 Умирая, ликовав.
 Годы шли. Теперь—взгляни же
 И пойми, хотя на миг,
 Кто в Берлине и в Париже
 Торжество свое воздвиг.

2.

Здесь и там вскипают речи
 Смех вскипает здесь и там
 Матовы нагие плечи
 Упоенных жизнью дам.
 . . . . .
 Скалят зубы пакостные франты.
 Тешит их поганая мечта.—
 Но придут иные музыканты
 И пойдет уж музыка не та!
 И возникнет в дни отмщенья,
 В окровавленные дни,
 Злая радость разгущенья,
 Облеченная в огни.
 Все тогда свои свершит угрозы,
 Тот, который ныне мал и слаб,
 И кровавые рассыплет розы
 Здесь, на эти камни, буйный раб.

(„Соб. благовест“, стр. 26).

„Парижские песни“ — высшая точка в революционном творчестве Сологуба. Он прозрел революционное „завтра“, заклеив капиталистическое „сегодня“ в пророческих бичующих стихах. Но тем горше и отчетливей было падение. „Зов предков“ оказался сильнее мимолетной вспышки импрессионистского прозрения и с первыми пушечными выстрелами Ф. Сологуб становится апологетом «грабителей всех стран» и «пьяной сволочи».

Уже через год после „парижских песен“ он увидел „вдохновенье и любовь и в этой доподлинной муке“ (стр. 28).

Еще немного и вчерашний пророк становится.... кооператором!

Он пишет „хозяйственные“ стихи (писать „хозяйственные“ стихи—это тоже своеобразная работа на оборону!) И еще вчера призывавший к восстанию, теперь благословляет кооперативы и находит в рабском труде на „пакостных франтов“ и „бесстыдных и продажных дам“ восторг и... свободу!

„Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторе нивы,
И пыль под колесом и скрип ворот,
И благостные кооперативы.
Не говори—копейки и рубли!
Завязнуть в них душой—такая скука!

.....
Не презирай хозяйственных забот—
Они ведут к восторгу и свободе“!

(„Соб. благовест“, стр. 30).

Итак, вместо „слова гордого—восстань“, благой совет любить кооперативы, вместо свободы—призыв к мирному рабскому труду, а вместо Ф. Сологуба—гордого автора «парижских песен»—гнусный скоморох, к великому веселию пакостных франтов, защищающий их карман и потешающий их любовниц.

Мелкая буржуазия снова трясется на запятках барской кареты.

Не слезла она с них и в эпоху революции 17-18 г.

IV.

Февральская революция в первые же дни развела в разные стороны дороги пролетариат и мелкую буржуазию. И мелкий буржуа, не успев еще разойтись и озлиться, сразу же повернул оглобли направо, лобызаясь с Милюковыми—Терещенко.

На февральскую революцию Ф. Сологуб отзывается в «Соборном благовесте» всего тремя бледными стихотворениями, в которых не чувствуется былого энтузиазма, былой силы и мощи.

Правда, он все еще по старой памяти воспекает «развевающиеся ало знамена Интернационала» и призывает к «единению и борьбе», но это только в первые дни революции. Когда же пришла, наконец, давно предсказанная Сологубом, «злая радость разрушенья» и «иные музыканты» потрясли стены «храма похмелья и разврата», «храма бесстыдных и продажных дам», разгоняя «пакостных франтов», «скалящих зубы»—не узнал Сологуб «иных музыкантов» и противна стала его слуху «музыка не та».

Он забыл о том времени, когда призывал уничтожить «заклятья собственности жадной».

Облачился в поповскую рясу и вместе со смиренным Тихоном стал умиленно увещевать восставших рабов, «расквашивающих кровавые розы».

„Разрушать гнезда не надо,
Разгонять не надо стадо,
Бить, рубить, топтать и жечь—
Это злое вражье дело.

В ком заря любви зардела,
Тот стремится уберечь
Все, что светлой жизни радо,
Все, что слышит божью речь. („Соб. бл.“, стр. 35).

У певца разрушенья неожиданно появляется умиленный и сладкий голосок, лишь только рабочий класс поднял руку на «заклятья собственности». Что это—трагедия или фарс?!

Весной 1920 г. Сологуб еще продолжает мечтать о том времени, когда «истощатся злые времена» (читай—исчезнут злые большевики) и «заря иная встанет» (читай—стада, поместья и заводы вернуться в руки «законных» собственников), но летом того же года, очевидно, утратив всякую надежду на возвращение «старых прижимов», пишет «балладу о выском доме». Его угнетает мысль, что:

„Пыль подвалов любят мыши,
Вышива нужна орлам“.

В качестве «надклассовой категории» вчерашний кооператор и защитник барских гнезд и стад, конечно—орел,—парящий в вышине и с сожалением вззирающий на маленьких серых людишек.

„Посмотри в долину—там
Люди серые, как мыши.
Что-то тапут по дворам.
Восходи же выше, выше.
Высота нужна орлам“ („Соб. бл.“, стр. 40).

* * *

Есть у великого датского сказочника, Андерсена, сказочка одна.

Объявил однажды король, что руку его дочери получит тот, кто прыгнет выше всех.

Явилось трое претендентов—блоха, кузнечик и деревянный конек. Блоха и кузнечик побили рекорд. Конек же изловчился, прыгнул прямо на колени королевской дочери и... конечно получил ее руку.

Русский интеллигент делает вид, что прыгает выше всех.

Однако, у «надклассовой категории» оказывается «лимонная» душа и он неизменно попадает в... переднюю «его купеческого степенства».

Но это вовсе не мешает ему воображать себя «парящим орлом».

Не знаем, долго ли удержится Ф. Сологуб и иже с ним на своей «орлиной высоте».

Но, конечно, это «орлиное сидение» будет ему хорошо оплачено из кармана наповских «лимонщиков».

Нам, впрочем, тоже не жалко—пусть его сидит, коли не стыдно...

Петр Ионов.